

ФЕНОМЕН СИМВОЛА В ПРОСТРАНСТВЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

С. А. СТАСЬКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявлена роль символа в пространстве виртуальной повседневности. Под последней понимается двойная изолированность присутствия по отношению как к собственному подлинному бытию, так и к сформированной в толках (популярные поверхностные мнения праздного любопытства) публичности. Обосновано, что в современных условиях данная изолированность связана с феноменом символа, который, представляя собой знак с неисчерпаемым смысловым потенциалом, позволяет этому присутствию удерживать себя в статусе успеха. Идентичность присутствия, в свою очередь, характеризуется той компетенцией, которую оно предположило для себя в качестве наиболее комфортной. Сделан вывод о том, что комфортная компетентность выступает основанием современной публичности, в которой присутствие, пройдя путь от идентичности к статусу, приводит общество к социальной аномии и радикальному индивидуализму.

Ключевые слова: символ; публичность; повседневность; современность; комфортность; компетентность; идентичность; статус; М. Хайдеггер.

THE PHENOMENON OF THE SYMBOL IN THE SPACE OF EVERYDAY LIFE

S. A. STASKEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The aim of the article is to identify the role of the symbol in the space of virtual everyday life. Virtual everyday life is understood as a double isolation of presence, both in relation to its own authentic existence and to the publicity formed in crowds (popular superficial opinions of idle curiosity). It is substantiated that in modern conditions this isolation is connected with the phenomenon of the symbol, which, being a sign with inexhaustible semantic potential, allows presence to keep itself in the status of success. Status is one of the ways in which the identity of presence is held in the symbol. The identity of presence, in turn, is characterised by the competence that presence has assumed for itself as the most comfortable competence. Thus, the comfortable competence of presence is the basis of modern publicity and, having passed from identity to status, leads to social anomie and radical individualism.

Keywords: symbol; publicity; everyday life; modernity; comfort; competence; identity; status; M. Heidegger.

Введение

М. Хайдеггер в труде «Бытие и время» продемонстрировал собственный способ философствования, который отличался как богатством стиля, так и стро-

гостью понятий. Однако стоит отметить, что время жизни и творчества философа приходится на XX в., когда господствовали мощные идеологические мифы,

Образец цитирования:

Стаськевич С.А. Феномен символа в пространстве повседневности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;1:59–65. EDN: HLVOCР

For citation:

Staskevich SA. The phenomenon of the symbol in the space of everyday life. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;1:59–65. Russian. EDN: HLVOCР

Автор:

Сергей Александрович Стаськевич – аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент И. Н. Колядко.

Author:

Sergey A. Staskevich, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences. 6734061@mail.ru

вовлекающие людей в круговорот судьбоносных событий. Отголоски великих трагедий и триумфов сказывались на человеке, а значит, в какой-то мере обуславливали его способ рассуждения. В связи с этим, перед тем как анализировать современную публичность с помощью концептуально-понятийного языка М. Хайдеггера, стоит обосновать возможность его применения для современности. Необходимо отметить, что понятийная система, разработанная философом в рамках своей знаковой работы, адаптируется и к современным проблемам, считающимся модификацией тех вопросов, которые затрагивал М. Хайдеггер в рамках исследования онтологии

присутствия. Для этого необходимо затронуть историчность публичного существования. И только тогда, когда будет выявлена ее взаимосвязь с повседневностью, можно будет поставить вопрос о роли символа, который следует понимать как знак с неисчерпаемым смысловым потенциалом, т. е. знак, характеризующийся относительной свободой употребления и множеством значений, связанных с различными локальными контекстами. В практическом употреблении этот знак способен засвидетельствовать как истину даже то, что ей не является. Такая его особенность и станет ключевой для настоящего исследования.

Историчность и образ повседневности

Успех строгого философского изыскания состоит в прояснении основных понятий, в которых будут заключаться процесс и результат рассуждения. Бытие присутствия¹, согласно М. Хайдеггеру, склонно к падению по существу, а не в силу сугубо приходящих явлений, среди которых можно выделить моду, политические веяния, эстетические изыски эпохи и моральные парадигмы [1, с. 173–174]. Падение – это переход в бытие неподлинное, публичное. Поэтому публичность есть константа как способ бытия присутствия. Иными словами, публичность всегда была, есть и будет. Таким образом, повседневность – странство публичного бытия присутствия. Особенность ее заключена в понятиях «соблазн», «успокоение», «отчуждение» и «запутанность» [1, с. 178]. Все четыре существенные черты падения в повседневность характерны для человеческого события в целом вне зависимости от особенностей конкретной эпохи.

Однако это не значит, что те самые приходящие явления, на которые порой подменяют содержание истории, не играют значительной роли в повседневности и не привносят в нее что-то особенное, своеобразное с духом времени. Бытие человека исторично, пока оно судьбоносно и осмысленно [1, с. 367]. В то же время есть все основания предполагать, что такого рода исторические смыслы в модусе повседневности вырождаются в измы, распространяющиеся в толках и формирующие то пространство публичности, которое, пусть и нельзя назвать историческим в подлинном смысле, однозначно следует считать паразитирующим в своей собственной истории. Таковыми, например, являются либерализм, социализм, коммунизм, фашизм, капитализм и постмодернизм. При этом само содержание этих идей может способствовать аутентичному бытию, т. е. решительному бытию-к-смерти, хотя даже в данном случае подобное бытие не будет ими исчерпываться. Однако под влиянием измов здесь имеется в виду публичное бытие в толках². Такого рода измы харак-

теризуют в первую очередь направленность дискурса, в котором толки «циркулируют», т. е. дают основные понятия и способы их употребления.

Последствия от влияния измов на человека существеннее, чем от формирования своеобразной стилистики духа, в которой от лица всех эпох будет говорить всегда одна и та же праздность. Праздные любопытства, не подкрепленные решимостью дел толкования измов, не имея никакой цели, все же формируют образ собственной повседневности. Таким образом, в них повседневность получает уникальный образ своей отчужденности, который является вполне содержательным: он предполагает определенные способы публичного бытия, такие как собственные подручность и наличность в конкретной культуре и в определенном моменте истории. Под подручностью нужно понимать способы обращения с ближайшим сущим, т. е. познание его и пользование им. В свою очередь, наличность есть обращение с тем, что не находится под рукой, но все-таки существует (его необходимо иметь в виду, но с ним нельзя иметь дело здесь и сейчас). Наличность и подручность возникают из познания, которое, «циркулируя» в толках, пусть и искаженно, дает бытие присутствию в совершенно уникальной двусмысленности. Подручность будет предполагать уникальную неподручность в узком смысле (сопротивляемость, испорченность), которая тоже станет частью фундамента новых повседневных отношений в среде вещей и людей. Основополагающие вариации этих отношений, заключенных в страхе, например недоверие, вражда и лживость, приобретут черты, свойственные лишь конкретной повседневности – нашей повседневности. Из сказанного следует, что повседневность подчинена историчности и подобна ее искаженной тени. Динамика истории в каждом содержательном моменте, который обобщенно называют эпохой, имеет свои уникальные публичность и повседневность. В общих чертах эта повседневность отражается в классическом делении

¹ Автор настоящей статьи использует это понятие для обозначения здесь-бытия человека.

² Толки – популярные поверхностные мнения праздного любопытства, которое направлено не на суть вещей и явлений, а на самоудовлетворение присутствия.

истории на периоды: Античность, Средневековье и Новое время. Для каждого из них характерен свой уклад жизни, различные аспекты которого активно изучаются историками соответствующей специали-

зации. Задача философа – выявление обусловленных историчностью препятствий для аутентичного бытия в современности, иначе говоря, особенностей неподлинного, публичного бытия нашей эпохи.

Феномены комфорта и компетенции

Для того чтобы иметь возможность рассуждать об особенностях современной повседневности, в которой особую роль играет символ, необходимо выявить, что сейчас человека соблазняет, успокаивает, отчуждает и запутывает, какое конкретно сущее способствует «падению» человека и создает для него онтические (реально существующие в мире) условия. Анализировать это стоит постепенно, начиная с соблазна как предложения присутствию быть в повседневности. Чем соблазняет и очаровывает человека мир, помимо своего величия? Собственной же ничтожностью, характеризующей его как пространство подручного. Максимальную усредненность и предсказуемость подручного можно охарактеризовать как удобство, с которым онтологически связан комфорт. Подобным образом (как комфорт) мир существует в модусе повседневности лишь при особых условиях.

Есть все основания предполагать, что удобство имело место и в каменном веке, когда использовался соответствующий инструмент, и в XV в., когда, например, в Европе изобрели печатный станок. На первый взгляд, из этого можно сделать вывод: комфорт возникает там, где активно развиваются техника и технологии. Но этот вывод будет лишь относительно верным, ибо в XIX в. бурный рост технических средств еще не приводит к тому, что мир и жизнь в нем становятся комфортными. Напротив, техника может способствовать подлинному, аутентичному бытию как в условно позитивном, так и в условно негативном смысле. Например, она дает надежду на полноту осуществления возможностей присутствия или, наоборот, вызывает в нем решимость противодействия за счет своего влияния, ограничивающего всякую свободу.

Суть техники, по Хайдеггеру, состоит в так называемом поставе, который является одним из способов привлечения сущего к открытости, непотаенности. Стоит воспринимать его как принадлежащую присутствию установку на производство на основании тех приемов, которые наиболее целесообразны для той или иной эпохи. И присутствие уже всегда захвачено поставом, что неминуемо отражается на образе действия, который направлен во благо самой техники или против нее. Но эти действия в любом случае всегда техничные и решительные [2, с. 5–12]. Комфортное же существование парализует в первую очередь решимость (техничность всегда остается нетронутой), без которой присутствие становится своеобразным «заложником» поставы. Иными словами, присутствие «успокаивается» в своей технике и становится нерешительным в ней.

Для существования присутствия в комфорте техника должна не просто быть, а обладать такими свойствами, как доступность и обязательность. Первое свойство стоит связать с возможностью, а второе – с необходимостью. Так, в широком смысле всегда есть техника, которую использовать удобно, но в этом нет потребности. Доступность техники онтически стоит понимать следующим образом: практически любой человек имеет доступ к самым передовым техническим средствам и приемам, делающим значительно простыми те вещи, которые ранее отнимали много сил и времени. Этому способствует общий рост образования и благосостояния общества. Например, овощи можно теперь измельчить как вручную, так и при помощи кухонного комбайна. Необходима техника, которая обязывает присутствие к использованию себя в мире именно потому, что сам человек «имеет в нем дело» сообразно возможностям своей техники. Например, для диабетика нужно производить инсулин, чтобы он жил. Художник использует инструмент для того, чтобы быть художником. Связана эта успокоенность присутствия с техникой не только в самом узком, но и в самом широком смысле. Техника – это и способ действия в повседневности. Например, техника рукопожатия относится к этикету, а техника игры на инструменте или езды на автомобиле – к профессиональным навыкам. В условиях, когда техника доступна и обязательна, «падение присутствия» в комфорт, представляющий собой изолированную область повседневности, становится не только возможным, но и необходимым.

Присутствие в комфорте с точки зрения самой повседневности называется компетенцией, которая является особым видом подручностью, в соответствии с занятой в публичном событии ролью. Эта компетенция вовсе не связана напрямую с возможностями присутствия как данностью, она характеризует лишь его способность играть роль и выполнять обязанности [3, с. 1–2]. Иначе говоря, это та самая нерешительная техничность, которая создает границы для самоосуществления. Кроме того, для подтверждения и удержания компетенции все же требуются определенные умения, которые обязывают присутствие существовать в этих границах.

Современный публичный человек характеризуется тем, что его решительность парализована комфортом (он онтически связан с удовольствием, путь к которому открывается через доступность техники), и стремится быть компетентным. На комфорте и компетенции строится пространство виртуальной

повседневности, которую в данном контексте стоит понимать как изолированность присутствия не только от собственной подлинности, но и от толков, формирующих единый общественный дискурс. Виртуальной повседневности в равной степени чужды и серьезная озабоченность так называемой деловой повседневности, и наивная искренность

интимного события. Именно в виртуальной повседневности некомпетентная решимость, ранее подкрепленная жизненной силой взаимного прозрения (или заблуждения), способна вызвать лишь иронию. Однако для полной характеристики современной виртуальной публичности этого еще недостаточно.

Виртуальность публичности

Виртуальную публичность, которая является особым, характерным для нашей эпохи способом отчужденности присутствия, зачастую называют цифровой (как дань тем технологиям, которые позволяют присутствию быть в виртуальном пространстве) [4, с. 1–3]. Для того чтобы подчеркнуть способ организации этого публичного пространства, используется понятие сетевой публичности. Если рассуждать в духе М. Хайдеггера, то необходимо с осторожностью применять оба понятия, так как они отсылают к онтическому, в то время как автора данного исследования больше интересует онтологическое. Нет оснований полагать, что сущность виртуальной публичности заключена в цифровых технологиях. Скорее эти технологии просто онтически создают пространство, в котором виртуальной публичности проще формироваться в образе современной повседневности. Следуя логике М. Хайдеггера, автор настоящей статьи не станет проводить черту между виртуальностью и реальностью через оппозицию понятий внешнего и внутреннего, субъективного и объективного. Виртуальность в контексте современной публичности будет означать характерную для настоящего времени разомкнутость мира как концептуально не схваченной множественности. Иными словами, присутствие раскрывает для себя мир без понимания его собственной целостности, которая приводит к идее причинности, т. е. предвосхищению и последующему принятию определенных обязательств и последствий, связанных с компетентностью. В виртуальной повседневности причинность деформирована в человеческом сознании, что позволяет последнему устранить для себя неподручность сущего. Иначе говоря, сущее изолируется в своем (комфортном) мире, способы организации которого имеют особенности, не позволяющие органично вписать присутствие в общую картину мира, сформированную в толках. Вероятно, именно поэтому дискурс о виртуальной публичности зачастую выстраивается вокруг феноменов единства и дробности общественного бытия, анонимности и институциональности [4, с. 1–3]. Для более глубокого понимания виртуальной публичности присутствия стоит коротко охарактеризовать каждый из этих феноменов.

То, что зачастую называется единством дискурса, есть повседневное существование в толках. Само явление единства общественного дискурса свойствен-

но эпохе идеологий, в которых измы задают вектор толкования события. Исследователи справедливо отмечают, что виртуальная повседневность способствует разделению единого дискурса на ряд независимых «пространств» дискутирования [4, с. 4]. Причем эти пространства могут себе позволить не быть в оппозиции, а формально сосуществовать, т. е. не существовать друг для друга. Такая специфичная замкнутость виртуальной публичности при всех формальных возможностях для открытости продиктована комфортностью, создающей естественные границы в публичном событии. Это возможно лишь в том случае, если присутствие не озабочено ничем, кроме собственных комфорта и компетентности. Между тем в цифровом пространстве присутствует большое количество деловой публичности, которая не разрушает формальное общественное единство, а создает все более тонкие связи между людьми в повседневности. К таким примерам стоит отнести цифровые финансовые операции и программы электронного голосования. Специфика же присутствия в виртуальной современной повседневности, в отличие от деловой повседневности, состоит в анонимности, т. е. в успокоенности человека в пространстве комфортного события. Смысл такой анонимности в том, что присутствие узнают лишь в рамках конкретной компетенции. И присутствие, будучи комфортным, осознает себя в них. Под компетентностью в данном случае нужно понимать пригодность присутствия для занимаемой позиции, в которой присутствие удерживается в сфере комфортной повседневности. Таким образом, анонимность – это не только сокрытие имени, но и сокрытие всего того, что способно навредить комфортному существованию в компетенции [5, с. 2]. Подобное сокрытие во многом характеризует современную виртуальную публичность, которую в отдельных случаях называют идентичностью, т. е. изолированной в своем комфортном существовании целостностью. Конкретная идентичность определенного человека онтически может быть выстроена на основании расовых, этнических, историко-культурных, гендерных, религиозных, субкультурных и профессиональных представлений [6, с. 1]. Виртуальное пространство повседневности – это пространство множества идентичностей, в которых компетентное присутствие размыкает для себя комфортный мир. В этом комфортном мире присутствие соблазнено

комфортом и успокоено своей идентичностью [7, с. 1–4]. Отличие идентичности от «чистой» компетенции состоит в следующем: в первой присутствии способно освободиться от того, что было обязательно для второй, т. е. от обязательств уметь нечто, для занятия своего положения в публичном событии. Идентичность, таким образом, характеризуется не подручностью, как компетенция, а наличностью – тем, что она уже самоочевидна и по праву есть в мире. Иными словами, идентичность присутствия позволяет комфортной компетенции освободиться от обязательств.

Наличность идентичности *Другого*, в свою очередь, вызывает недоверие и вражду именно потому, что затрагивает комфортную компетентность присутствия. Но эта вражда не ведет к подлинности, заключенной в решительном преодолении, в котором присутствие внезапно находит самого себя. Напротив, она ведет к дальнейшему самоотчуждению присутствия, бесконечной самоистолкованности, смыслом которой будет удержание себя в комфортной компетенции. *Другой*, поколебавший идентичность присутствия, будет истолкован как некомпетентный, а значит, неспособный сузить или расширить границы идентичности присутствия. Такое толкование станет возможным, если человек заявит о формальной независимости от институтов. Для того чтобы присутствию в его комфортной компетенции ничто не мешало сохранять свою идентичность, особое осмысление и отношение получает и сама институциональность. Она понимается как опора в распространении какой-то информации, в частности того, что называется культурной памятью, на общественные и государственные институты или в ее утверждении [8, с. 5]. Иначе говоря,

это опора публичности на институты. Она позволяет толкам иметь прочный (на первый взгляд) онтический фундамент в виде абстракции всеобщности (или силы принуждения). Те толки, которые являются основой государственной риторики, называются идеологией. У идеологии есть и более широкое определение, характеризующее ее как некую формальную совокупность взглядов той или иной группы (или даже отдельного человека). Идеологии виртуальной публичности зачастую неинституциональны, что позволяет присутствию комфортно идентифицировать себя. В данном случае комфорт тесно связан с отсутствием необходимости выходить за рамки собственной компетенции. Подобный выход называют долгом.

В свою очередь, присутствие в виртуальной публичности не имеет обязательств, а значит, долгов и институциональной ответственности. Неимение долгов вовсе не показывает, что тот или иной институт не может привлечь к ответственности человека на основе его идентичности. Однако в своей комфортной компетенции присутствие остается безответственным по отношению к институтам. Эта безответственность приводит к отчуждению, которое уже произошло в толках, присутствия не только от собственной подлинности, но и от деловой публичности, для которой институциональность предельно важна. Таким образом, двойное отчуждение характеризует нашу эпоху как таковую. При росте влияния институтов на дела людей сам человеческий интерес к реальной институциональной активности падает [9, с. 9]. На смену ему приходит экспертность – комфортная компетенция прогнозирования без влияния на события.

Символ и статус

Для того чтобы удерживать себя в комфортной компетенции, не подкрепленной какими-либо обязательствами, присутствие использует символ. Удержанная в символе идентичность называется статусом. Статус отличается от идентичности тем, что в нем присутствие для удержания себя в комфортной компетенции освобождается не только от необходимости уметь нечто, но и от необходимости быть кем-то. Если для идентичности предельно важно обладать рядом онтических признаков, имеющих отношение к самому присутствию, то статус утверждается лишь символизмом вещей, что в современных условиях приводит к консюмеризму [9, с. 3–8]. Связано это с тем, что статус всегда подвижен: для его подтверждения требуются различные знаки, продаваемые извне. Чтобы использовать символ для удержания комфортной компетенции, нужно иметь с ним особые отношения обладания. Но если у самого отношения наличествует онтологическая основа, то сами символы произвольны, они не вплетены в ткань судьбы присутствия и случайны. И что

наиболее характерно для нашего времени, эти символы не происходят из тех толков, которые активно опираются на институты. Последние хотя и требуют к себе определенного отношения за счет страха применения силы, однако все же не имеют популярности в виртуальной повседневности по причине того, что они являются прямым свидетельством обязательств, т. е. полагаются на легитимность института. По этой причине статусными вещами становятся не знаки отличия (вроде медалей и орденов), а разные элементы одежды, логотипы, модели автомобилей, компьютеров, а также мысли, заключенные в слове. Отсюда происходит необоснованное цитирование, когда присутствие, не решаясь говорить, но и не имея возможности молчать, заимствует для себя популярное слово.

При использовании символа для удержания присутствия в статусе постепенно уничтожается богатый смысл самого символа как излишний смысл для утилитарного действия, а значит, подрывается фундамент символических ресурсов той или иной

культуры. Символ не помогает присутствию обнаружить себя в подлинности, а, напротив, способствует сокрытию в статусе. В таких условиях единственное, что напоминает судьбу, – это смысл обретения денег, а они, в свою очередь, становятся богом современности как возможность вневременного удержания статуса. Деньги, как символ, приобретают в современной виртуальной повседневности первостепенное значение, которое уже не завязано на их подручности, т. е. способности к опосредованию при купле-продаже. В то же время именно роль денег как мерила стоимости вещей стала причиной их нынешней символической роли.

Феномен статуса создает известную запутанность, в которой значимость символа определяется толками на основе толков. Иными словами, совершенно обыденная повседневная вещь может стать статусной при условии, что современная виртуальная публичность истолковывает ее как то, что стоит своих денег. Присутствие, не находя в подручности символа ни малейшей целесообразности за рамками удержания себя в том или ином статусе, зачастую оказывается запутанным. Случается это потому, что у подобного рода символов вещей нет никакого определяемого здравым смыслом онтического критерия преимущества. Смысл бренда не в том, что он более подручен или неподручен, удобен или неудобен, а только в том, что он дорог. И именно это делает его таким дорогим. Он сам становится онтическим

условием удержания комфортной компетенции, условием подтверждения идентичности символическим статусом. Таким образом, если в предыдущие эпохи люди больше лгали друг другу о ценности вещи, чтобы присвоить ее себе (с учетом того, что они знали реальную ценность вещи), то в современности все происходит наоборот. Люди, отменив принцип целесообразности, чаще лгут сами себе, что присвоенная ими вещь имеет ценность только потому, что не у всех она есть. Презируя деловую повседневность, виртуальная публичность не возвышается над ней как подлинность, а лишь удерживает себя в убеждении, что является таковой. И это убеждение стоит дорого, ибо чем дороже оно стоит, тем оно крепче и долговременнее.

Сам же статус, в котором присутствие столь упорно удерживает себя при помощи денег как символа, называется успешностью. Все многообразие человеческого опыта в этом статусе неправомерно подводится под элементарную оценку по критерию материальной обеспеченности, т. е. по вполне конкретному, но сугубо количественному и одностороннему показателю. Таким образом, влияние денег как символа на современную повседневность сложно переоценить. Символ становится соблазном и риском, благодаря которому «присутствие спит беспокойным сном», оторванное и от решительного бытия-к-смерти, и от истолкованных институтами реалий повседневности собственной эпохи.

Заключение

Фундамент виртуального публичного бытия современности заключен в комфорте и компетентности. В комфортной фактичности присутствие получает возможность формировать идентичности, не выявляющие его подлинности, а позволяющие освободиться от обязательств. Стремясь освободиться от обязательств что-то уметь (компетентность) и быть кем-то (идентичность), присутствие нуждается в символе, через который обретается статус успешности. Иначе выражаясь, неинституциональная идентичность присутствия ведет к двойной отчужденности, преодолеть которую позволяет символ, удерживая идентичность в статусе успешности. Статусность,

в свою очередь, подрывает естественное понимание подручности и неподручности через призму целесообразности, приводя к окончательному становлению культа денег как символа и к самообману присутствия. Духовными следствиями такого самообмана являются нерешительность, цинизм и меркантильность. В социальной плоскости современная виртуальная публичность имеет тенденцию к комфортной изолированности присутствия, т. е. к антиинституциональности и культивации негативного индивидуализма. Все вышеперечисленное характеризует бытие присутствия не только как не подлинное, но и как жестоко заблуждающееся в отношении себя.

Библиографические ссылки

1. Хайдеггер М. *Бытие и время*. Библихин ВИ, переводчик. Москва: Фолио; 2003. 509 с.
2. Демин ИВ. Экзистенциально-онтологическое обоснование техники в философии М. Хайдеггера. *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология*. 2010;2:126–137. EDN: OCQFGL.
3. Сагитова ВР. Феномен компетенции: понятие, структура, условия формирования. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2015;15(2):59–62. EDN: UNSDTV.
4. Семенов ЕЕ, Кузнецова ЕИ. Публичность в эпоху цифровой реальности: философский аспект проблемы. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2020;9(5а):91–97. EDN: FWALIF.
5. Кочнев РЛ. Неаутентичность комфорта, или Мужество быть несвоевременным. *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность*. 2018;1:61–65. EDN: YTUEIK.
6. Тимошук ЕА. Феноменология медиа: контекст и рефлексия. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2020;9(5а):82–90. EDN: MSRXOA.

7. Кобзева ОВ. Феномен идентичности в психологии. *Проблемы современного педагогического образования*. 2018; 58:332–334. EDN: YSTXJK.
8. Ярычев НУ. Культурная память как понятие и явление: основания концептуализации. *Культура и искусство*. 2022;12:11–20. EDN: UPKANP.
9. Ильин АН. Социальная атомизация и ослабление политической активности в условиях консюмеризма. *Информационный гуманитарный портал. Знание. Понимание. Умение*. 2015;5:58–82. EDN: WTRUGP.

References

1. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. Bibikhin VI, translator. Moscow: Folio; 2003. 509 p. Russian.
2. Demin IV. Existential-ontological support technology in the philosophy of Heidegger. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya*. 2010;2:126–137. Russian. EDN: OCQFGL.
3. Sagitova VR. Phenomenon competence: concept, structure, forming terms. *Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2015;15(2):59–62. Russian. EDN: UNSDTV.
4. Semenov EE, Kuznetsova EI. Publicity in the era of digital reality: a philosophical aspect of the problem. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 2020;9(5a):91–97. Russian. EDN: FWALIF.
5. Kochnev RL. Nonauthenticity of comfort or courage to be untimely. *Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity*. 2018;1:61–65. Russian. EDN: YTUEIK.
6. Timoshchuk EA. Phenomenology of media: context and reflection. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 2020;9(5a):82–90. Russian. EDN: MSRHOA.
7. Kobzeva OV. The phenomenon of identity in psychology. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2018;58:332–334. Russian. EDN: YSTXJK.
8. Yarychev NU. [Cultural memory as a concept and phenomenon: the foundations of conceptualisation]. *Culture and Art*. 2022;12:11–20. Russian. EDN: UPKANP.
9. Ilyin AN. Social atomization and the slackening of political activity under conditions of consumerism. *Informatsionnyi gumanitarnyi portal. Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2015;5:58–82. Russian. EDN: WTRUGP.

Статья поступила в редколлегию 11.12.2023.
Received by editorial board 11.12.2023.